

УДК 347.4

DOI: 10.34670/AR.2026.76.70.038

Способы компенсации транзакционных издержек лизингодателя при досрочном выкупе предмета лизинга

Шишкин Сергей Леонидович

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21;

e-mail: s.l.shishkin@list.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению способов компенсации транзакционных издержек лизингодателя при досрочном выкупе предмета лизинга через призму проблематики, обусловленной неравенством переговорных возможностей сторон лизинговых отношений и фактическим признанием лизингополучателя слабой стороной договора лизинга. Рассматривается правовая природа платы за досрочный выкуп, превышающей остаток основного долга и плату за финансирование, а также ограничения, которые накладывает на лизингодателя статус контрагента как слабой стороны договора. На основе анализа актуальной судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и доктрины последовательно исследуются доступные правовые механизмы компенсации издержек: конструкция заранее оценённых потерь (статья 406.1 ГК РФ) и плата за одностороннее изменение договора (пункт 3 статьи 310 ГК РФ). Автор сопоставляет их с конструкциями отступного и неустойки, выявляет процессуальные сложности доказывания абстрактных издержек и обосновывает преимущества платы за одностороннее изменение договора. Предложены конкретные пути решения указанной проблемы, учитывающие баланс интересов сторон и требование добросовестности, а также подтверждённые судебной практикой пределы доказывания суммы досрочного выкупа.

Для цитирования в научных исследованиях

Шишкин С.Л. Способы компенсации транзакционных издержек лизингодателя при досрочном выкупе предмета лизинга // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 305-320. DOI: 10.34670/AR.2026.76.70.038

Ключевые слова

Лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, заранее определённые потери, плата за изменение договора, слабая сторона договора, добросовестность, анализ судебной практики, Верховный Суд РФ.

Введение

Одной из динамично развивающихся отраслей экономики, которая наиболее остро сталкивается с применением последствий признания клиента – хозяйствующего субъекта слабой стороной договора, является рынок лизинговых услуг (по данным рейтингового агентства АО «Эксперт РА», доля лизинга в ВВП России в среднем за 2023–2025 гг. составляла около 1,5 % со среднегодовыми темпами прироста свыше 35 % в год; URL: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2025/>), на протяжении последних пяти лет правовая практика работы которого кардинально изменилась благодаря последовательной имплементации Верховным Судом РФ доктрины неравенства переговорных возможностей.

Причиной тому, на наш взгляд, служит не только статус лизингодателей как профессиональных участников рынка с похожими договорными условиями, а также повсеместное распространение ими недобросовестных практик на этапе заключения и исполнения договора (определение СКЭС ВС РФ от 18.10.2023 N 305-ЭС23-8962; определение СКЭС ВС РФ от 10.10.2023 N 305-ЭС23-12470; определение СКЭС ВС РФ от 19.05.2022 N 305-ЭС21-28851; определение СКЭС ВС РФ от 14.11.2023 N 305-ЭС23-11168; определение СКЭС ВС РФ от 14.12.2023 N 307-ЭС23-14609; определение СКЭС ВС РФ от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453), но также и особая правовая природа лизинга, которая, помимо того что проявляется в его смешанной, кредитно-посреднической [Егоров, 2012а] структуре, ещё и обладает субъективным элементом, основанным на уязвимости лизингополучателя и рачительном отношении лизингодателя к его средствам (определение ВС РФ от 21.08.2023 N 243-ПЭК23).

В условиях устаревшего правового регулирования и отсутствия специализированного надзорного органа за лизинговой деятельностью Верховный Суд фактически сформировал новую систему обязательств лизингодателя, позитивно не закреплённых и требующих для использования в целях защиты интересов лизингополучателя глубоких познаний разрозненных выводов нескольких десятков ключевых судебных актов.

Главным элементом лизинговых споров стала формула расчёта завершающей обязанности, установленная Постановлением Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 17 "Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга" (далее - ПП ВАС N 17), которая превратилась в базовое мерило сальдирования финансового результата как при определении неосновательного обогащения лизингодателя или его убытков на ликвидационной стадии правоотношений (см. п. 25 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021), так и при досрочном исполнении обязательств по договору лизинга лизингополучателем (определение СКЭС ВС РФ от 23.05.2023 N 305-ЭС23-808).

Ключевым постулатом лизинговой деятельности является то, что, как и кредитная организация, лизинговая компания вправе использовать для финансирования лизинговых сделок помимо собственных средств ещё и заёмный капитал, привлекаемый из разных источников (частные инвесторы, банки, облигации и т.п.). И если в части дефолта лизингополучателя, расторжения договора лизинга и изъятия предмета лизинга отказ судебной практики в легитимизации заранее оценённых абстрактных убытков (определение СКЭС ВС РФ от 22.11.2022 N 305-ЭС22-10240; определение СКЭС ВС РФ от 13.04.2023 N 307-ЭС22-18849) влечёт отчасти покрываемые портфельным подходом издержки (расчёт ожидаемых кредитных убытков (ECL, Expected Credit Loss) предусмотрен Международным стандартом финансовой отчётности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты», введённым в действие на территории

Российской Федерации в редакции 2014 года Приказом Минфина России от 27.06.2016 N 98н, требующим формировать резервы по ожидаемым убыткам от расторжений договоров лизинга), то в рамках досрочного исполнения договора лизинга лизингодатель погашает обязательства перед своими кредиторами или повторно размещает собственный капитал, в условиях снижения ключевой ставки Банка России несёт издержки, связанные с затратами на фондирование, которые, в общем-то, компенсировать нечем, кроме как изначально зафиксированными в тексте договора лизинга условиями об определении стоимости досрочного выкупа.

Особый статус лизингополучателя как слабой стороны лизингового правоотношения [Шишкин, 2024]] накладывает определённые ограничения на используемые лизинговыми компаниями способы компенсации указанных издержек. Цель настоящей работы – определить, какие из правовых механизмов жизнеспособны и могут при соблюдении ряда требований использоваться участниками оборота для компенсации, в том числе абстрактных, издержек. С последним, как правило, у лизингодателей и возникают неразрешимые процессуальные сложности.

Материалы и методы исследования

Общепринятой практикой финансирования лизинговых сделок является привлечение заемного финансирования на расчетный счет лизинговой компании «котловым» способом. То есть денежные средства, получаемые из разных источников привлечения (от частных инвесторов, владельцев облигаций, кредитных учреждений и т.д.), аккумулируются на счетах лизинговой компании, с которых уже и осуществляется финансирование лизинговых сделок. Отследить источник привлечения средств для финансирования конкретной сделки фактически невозможно, в связи с чем невозможно и детализировать ставку привлечения средств и представить детализированный и математически корректный расчет потерь и (или) платы за досрочный выкуп предмета лизинга.

При этом размер таких издержек всегда будет усреднённым – например, при снижении ключевой ставки Банка России финансирование лизингодателя, предоставленное лизингополучателю по ставке 20% на три года и досрочно возвращенное через год, когда ставки опустились до 15% формируют издержки, которые не являются упущенной выгодой, а связаны с необходимостью реинвестирования привлеченных средств, досрочных возврат которых невозможен (облигации, частные инвесторы) или влечет оплату дополнительных комиссий (кредитные учреждения).

Кроме того, в случае использования для целей досрочного выкупа предмета лизинга формулы расчета завершающей обязанности ПП ВАС N 17 у лизингодателя возникают дополнительные непокрываемые затраты из-за того, что указанная формула не учитывает аннуитетный характер графика лизинговых платежей и эффективную ставку лизингового финансирования. Также лизинговые компании вынуждены вкладывать в технологический процесс дополнительные трудовые и иные ресурсы на заключение и сопровождение сделки, абстрактные затраты на которые покрываются в полном объеме только при полном цикле (сроке) лизинга.

С точки зрения кредитно-посреднической теории лизинга [Егоров, 2012а], по своей экономической природе стоимость досрочного выкупа предмета лизинга в той части, что она превышает остаток основного долга, платы за финансирование (за фактический срок его предоставления), неустоек, штрафов и прочих санкций, по сути является платой за досрочный

возврат финансирования. Участники оборота могут её именовать по-разному: «суммой закрытия сделки», «отступным платежом», «вознаграждением лизингодателя» и т.п., однако с выбором подходящего правового основания для взимания указанной платы возникают трудности.

Что характерно, наиболее близкий по существу поднятого вопроса банковский сектор практически не испытывает сложностей с регулированием отношений по досрочному возврату кредита, поскольку чаще всего для хозяйствующего заемщика устанавливается отдельная комиссия за досрочное погашение. Особое правовое регулирование фактически устраняет проблему необходимости обоснования и детализации издержек, расчета их достаточности и обоснованности. Хотя следует отметить, что и на этом поприще появились подвижки, связанные с оспариванием необоснованно высокого размера банковских комиссий за досрочное погашение кредита субъектом предпринимательской деятельности (см. определение СКЭС ВС РФ от 15.01.2024 N A40-140405/2020, п. 23 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2, 3 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024).

Для наиболее же уязвимой категории заемщиков предусмотрено самостоятельное регулирование (см. Федеральный закон от 21.12.2013 N 353-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О потребительском кредите (займе)»), которое ограничивает право на взимание подобных комиссий, о чем также неоднократно высказывался регулятор (Поведенческий надзор: практики и рекомендации [Электронный ресурс] // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ko_cases/ko_cases_28/ (дата обращения: 15.02.2026)).

И, если кредитные учреждения успешно (постановление АС СЗО от 02.08.2019 N Ф07-7348/2019; постановление АС МО от 30.04.2021 N Ф05-5711/21; постановление АС СЗО от 25.11.2019 N Ф07-12891/19) используют модель комиссионного вознаграждения на основании ст. 29 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" от 02.12.1990 N 395-1, то лизинговые компании вынуждены мотивировать предусмотренную договором сумму досрочного выкупа правовыми конструкциями заранее определенных потерь, отступной неустойки или платы за одностороннее изменение договора, использование которых в отношениях со слабой стороной договора подвержено значительным ограничениям.

Рассмотрим детальнее конкретные правовые механизмы компенсации издержек, применяемые лизингодателями в обстоятельствах, не связанных с нарушением условий договора. В актуальной практике их всего два – использование конструкции заранее определенных потерь (ст. 406.1 ГК РФ) и платы за одностороннее изменение договора (п.3 ст. 310 ГК РФ). При этом отдельные случаи использования лизингодателями конструкций классического отступного или же отступной неустойки (определение СКЭС ВС РФ от 23.05.2023 N 305-ЭС23-808), на наш взгляд, основаны на неправильном толковании норм права и скорее по своей фактической структуре подменяют вышеизложенные конструкции.

Как отмечает А.Г. Карапетов, неустойка имеет существенные отличия от платы за отказ от договора, поскольку устанавливается в качестве санкции за нарушение обязательства, в то время как плата за отказ от договора является платой за осуществление предусмотренного договором правомерного поведения, за которое невозможно устанавливать гражданско-правовую ответственность [Архипова, Байбак, Громов и др., 2022]. В связи с чем представляется некорректным применять положения о неустойке, либо же «отступной неустойке» (ст. 396 ГК РФ) к отношениям по досрочному выкупу предмета лизинга.

Что касается классического отступного, то функционально как способ прекращения

обязательства оно сохраняет неисполненное встречное обязательство, которое в такой ситуации не прекращается. Синаллагма не разваливается, как в случае расторжения, предоставление отступного меняет характеристики одного из встречных предоставлений [Батищев, Громов, Карапетов и др., 2022]. В случае с классическим выкупным лизингом при досрочном исполнении лизингополучателем условий в силу п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. N 54 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении" (далее – ПП ВС N 54), как и в случае с отступным, основное обязательство прекращается и происходит его замена: лизингополучатель осуществляет акселерацию погашения основного долга и выкупной цены предмета лизинга в обмен на передачу ему права собственности, что заранее предусмотрено самим договором лизинга.

Однако нельзя не заметить и ряд существенных отличий. Как отмечает Краснова С.А., соглашение об отступном заключается после совершения сделки, порождающей основное обязательство, когда обнаружатся обстоятельства, препятствующие исполнению или исключающие его. Кроме того, прекращение обязательства происходит в момент предоставления отступного, а не заключения соглашения об отступном [Краснова, 2024], что серьезным образом отличается от заранее сформированной договорной конструкции досрочного выкупа предмета лизинга.

Таким образом использование правовой природы отступного для подобных случаев является лишь попыткой обойти требования закона в части доказывания размера издержек в рамках п.3 ст. 310 ГК РФ или ст. 406.1 ГК РФ.

И, несмотря на то, что правоприменительная практика изобилует примерами успешного применения отступного как способа определения завершающей обязанности стороны лизинговых правоотношений (см. постановление АС МО от 31.08.2020 N Ф05-13006/2020; постановление АС МО от 05.04.2023 N Ф05-5197/2023; постановление 9 ААС от 22.01.2024 N 09АП-79687/2023; постановление 9 ААС от 12.02.2026 N 09АП-66556/2025), при первом же, что характерно, детальном изучении данной конструкции судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда указала (определение СКЭС ВС РФ от 23.05.2023 N 305-ЭС23-808) на ошибочное неприменение судами положений п. 3 ст. 310 ГК РФ и п. 16 ПП ВС N 54 со ссылкой на необходимость проверки «отступного» соразмерности неблагоприятным последствиям для контрагента от досрочного исполнения договора (что для отступного совсем не характерно), чем задал тренд на преломление судебной практики (постановление АС МО от 26.05.2025 N Ф05-5946/2025; постановление 9 ААС от 21.03.2025 N 09АП-6091/2025)

Таким образом целесообразным представляется разобрать две наиболее подходящие конструкции компенсации транзакционных издержек лизингодателя.

Результаты и обсуждение

Заранее оцененные потери.

Как известно конструкции заранее оцененных потерь и заранее оцененных убытков были в той или иной мере заимствованы отечественным законодателем из зарубежных правовых систем, где их идейными вдохновителями выступили правовые институты *indemnity* (возмещение потерь) и *liquidated damages* (оцененные убытки).

Как отмечает Хантимирова А.А., формулировка ст. 406.1 ГК РФ изначально была рассчитана на введение в российскую правовую систему довольно либерального правового

института, который мог бы предоставить коммерсантам средство защиты своих интересов, по эффективности сравнимое с англосаксонским институтом договорных индемнити [Хантимирова, 2024a].

В английском праве, как пишут Сегалова Е.А., Сатыров З.И., концепция индемнити (indemnity) существенно сложнее, чем обязательства по возмещению потерь в российском; ответственность в рамках данного института может возникать как при нарушении на стороне должника, так и при отсутствии нарушения [Сегалова, Сатыров, 2021].

В этом проявляется одно из наиболее принципиальных отличий института возмещения потерь в российском праве от английского indemnity. Соответственно, если возмещение издержек лизингодателя связано с нарушением обязательств лизингополучателем, то вместо конструкции заранее оценённых потерь как правило используется конструкция заранее оцененных убытков.

Однако Верховный суд высказывал и иную позицию, которая допускала возможность использования возмещения потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ в случае нарушения обязательств, дозволив достижение договоренностей о возмещении потерь "в целях упрощенного привлечения одной из сторон к ответственности за нарушение обязательства" (определение СКЭС ВС РФ от 02.03.2023 N 305-ЭС22-21449), чем породил дискуссию в научной среде. Так, Климов И.В. отмечает, что если правоприменительная практика по предпринимательским договорам свидетельствует о недостатках правового режима взыскания убытков, соответствующие недостатки следует устранять посредством корректировки режима взыскания убытков, но не позволять подменять его иным (при этом относительно новым для российского права и пока еще порождающим определенные правоприменительные трудности) правовым механизмом [Климов, 2024].

Казалось бы, конструкция заранее оцененных убытков напротив, в любом случае должна предусматривать нарушение права или охраняемого законом интереса в качестве условия ее применения, что продиктовано нормативным определением убытков (ст. 15 ГК РФ) и активно демонстрируется правоприменительной практикой (постановление АС СКО от 11.04.2022 N Ф08-1960/2022; постановление АС МО от 08.08.2022 N Ф05-17975/2022; постановление 9 ААС от 03.07.2020 N 09АП-8257/2020-ГК). Однако из отдельных судебных актов Верховного суда может явствовать и иной подход (определение Верховного Суда РФ от 30.06.2021 N 305-ЭС20-21520; определение СКЭС ВС РФ от 03.08.2023 N 307-ЭС23-4085), где обе конструкции рассматриваются до степени их смешения. Тем не менее, по общему правилу применение конструкции заранее определенных убытков к случаям позитивного поведения стороны договора, заключающемуся в предусмотренном соглашении досрочном исполнении его условий, представляется по определению невозможным [Курганский, 2025].

Заранее оценённые потери, в отличие от заранее оцененных убытков имеют собственное позитивное правовое регулирование, которое помимо ст. 406.1 ГК РФ сформулировано пунктами 15-18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" (далее – ПП ВС N 7).

Наиболее характерными чертами отечественной конструкции возмещения потерь являются, во-первых, распространение ее только на субъектов предпринимательской деятельности, во-вторых, обязанность сторон определить размер возмещения потерь или порядок его определения в своем соглашении (п. 1 ст. 406.1 ГК РФ), в-третьих, запрет уменьшения судом размера возмещения потерь, кроме случая, когда сторона умышленно содействовала

увеличению их размера (п. 2 ст. 406.1 ГК РФ).

ПП ВС N 7 существенно дополняет условия компенсации потерь требованием доказывания, что потери понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем, а также наличием причинной связи между наступлением соответствующего обстоятельства и этими потерями (п. 15), при этом само соглашение должно быть явным и недвусмысленным, иначе на основании ст. 431 ГК РФ, в случае неясности того, что устанавливает соглашение сторон – возмещение потерь или условия ответственности за неисполнение обязательства, положения статьи 406.1 ГК РФ не подлежат применению.

К слову, в последнем прослеживается наследие применения английскими судами *indemnity* и *liquidated damages*, которым также вменяется выявление попыток недобросовестного использования сторонами формальных признаков данных конструкций для сокрытия штрафной неустойки (*penalty*) в расчете на неприменение условий о снижении ее размера [Сегалова, Сатыров, 2021].

Но как себя ведет условие о возмещении заранее оцененных потерь в случае, когда участником коммерческого обязательства является слабая сторона договора?

Для начала стоит отметить, что в формулировку ст. 406.1 ГК РФ заложена предпосылка того, что указанная норма преимущественно будет использоваться именно сильной стороной договора для защиты собственных интересов.

При этом Карапетов А.Г. указывает на экономическую целесообразность перераспределения сторонами риска в рамках ст. 406.1 ГК РФ и на то, что когда подобного рода условия включаются в сугубо коммерческий договор, ни одной из сторон которого не является монополист, говорить о наличии слабой стороны договора также, как правило, невозможно [Карапетов, 2016].

Как видно из проанализированной выше судебной практики, профессиональный статус участника рынка и типовые условия договора являются сами по себе достаточными условиями для экстраординарного вмешательства в условия о компенсации потерь в рамках ст. 406.1 ГК РФ.

Так, пункты 9 – 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" (далее – ПП ВАС N 16) допускают неприменение спорных условий, когда слабая сторона договора не могла повлиять на их содержание, а толкование любых неточностей осуществляется по принципу *contra proferentem*.

При этом Верховным Судом признано существование «отложенной недобросовестности» лизингодателя, при которой включение спорных условий в договор на этапе его заключения и нормального исполнения не рассматривается как нарушающее права и законные интересы лизингополучателя (в том числе им самим), однако на стадии прекращения лизинговых правоотношений такие условия способны привести к нарушению указанных прав (определение СКЭС ВС РФ от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453; определение СКЭС ВС РФ от 14.11.2023 N 305-ЭС23-11168).

Все это в совокупности с возможностью полного отказа во взыскании в условиях неспособности доказать, что потери понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем в конкретном размере (см. п. 26 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утв. Президиумом ВС РФ 27.10.2021) приводит лизингодателей к неизбежным неблагоприятным последствиям.

Данные последствия ярко представлены в пункте 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2, 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024),

которым в результате обобщения ранее существовавшей судебной практики (постановление 9 ААС от 26.12.2024 N 09АП-16892/2024-ГК; постановление 9 ААС от 24.04.2024 N 09АП-18422/2024-ГК) отклонена возможность применения не детализированных общих условий договоров лизинга о возмещении потерь и убытков в формате пространных формул определения завершающей обязанности при досрочном прекращении договора лизинга.

Сенников С.А., отмечая ярко выраженную компенсационную природой возмещения потерь акцентирует внимание, что абстрактное их определение в твердой сумме до возникновения обстоятельства, выступающего их триггером, противоречит существу конструкции, предусмотренной ст. 406.1 ГК РФ [Сенников, 2025] (определение ВС РФ от 26.04.2024 N 308-ЭС24-5533).

Таким образом использование конструкции заранее оцененных потерь налагает на лизингодателей обязанность детализировать и конкретизировать их размер в тексте договора, а также проводить кропотливую процессуальную работу по доказыванию на этапе взыскания. Правовое регулирование исключает возможность возмещения потерь в произвольном объеме, поскольку не освобождает кредитора от обязанности представить доказательства, подтверждающие как факт возникновения соответствующих потерь, так и обоснованность применённого сторонами алгоритма их определения. Уклонение лизингодателя от раскрытия таких доказательств в силу п. 2 ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ лишает его права ссылаться на заранее установленную в договоре величину потерь, и их размер подлежит доказыванию на общих процессуальных основаниях с привлечением предусмотренных доказательных средств.

Иными словами, не следует воспринимать данную конструкцию как особый, облегченный режим доказывания и взыскания убытков [Курганский, 2025] - она представляет возможность согласовать особое основание для выплаты возмещения и перераспределения рисков между контрагентами [Архипова, Байбак, Громов и др., 2022].

В связи с этим нельзя не согласиться с позицией Кузнецова М.В., который отмечает, что отечественные суды нивелируют весь институт заранее оцененных убытков, используя для оценки адекватности согласованной суммы либо идею компенсации реальных убытков, либо институт возмещения имущественных потерь. Цивилист отмечает, что ни одна из этих концепций не работает вместе с идеей заранее разумно определить размер убытков, который подлежит оплате вне зависимости от фактического размера этих убытков, а ex post контроль должен осуществляться через более прецизионные инструменты оценки добросовестности и оценки разумности при определении суммы издержек [Кузнецов, 2025].

Развивая эту мысль, нельзя не отметить преимущество схожей конструкции заранее определенных убытков, где общее регулирование допускает приблизительное определение их размера с разумной степенью достоверности (см. п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), а размер подлежащих возмещению убытков определяется в рамках дискретных полномочий судов исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Таким образом, на наш взгляд, указанная правовая конструкция не может быть эффективно использована в отношении пусть и незначительных, но все же не подтверждаемых издержек через их определение в абстрактном размере (постановление АС СКО от 03.06.2025 N Ф08-2713/2025; постановление АС СКО от 19.06.2024 N Ф08-5493/2024; постановление АС ЗСО от 14.11.2022 N Ф04-5327/2022) в силу специфики правового регулирования. В связи с этим практикуемое арендодателями условное применение формулы (алгоритма) расчета потерь,

установленной договором, само по себе недостаточно для их взыскания, что демонстрирует правоприменительная практика (постановление АС МО от 11.10.2024 N Ф05-20730/2024).

Плата за одностороннее изменение договора.

Диспозиция п. 3 ст. 310 ГК РФ допускает сторонам обязательства, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, обуславливать отказ или изменение условий такого обязательства выплатой определенной денежной суммы другой стороне обязательства. Правовая природа данной конструкции едина, в связи с чем полагаем допустимым рассматривать её вне зависимости от последствий для конкретного обязательства (будет оно прекращено или изменено). Однако следует отметить, что согласно п. 2 ст. 450.1 ГК РФ односторонний отказ от исполнения договора влечёт признание договора расторгнутым. Досрочный выкуп предмета лизинга в лизинговых правоотношениях – это не расторжение договора, а его изменение и досрочное исполнение, в связи с чем полностью отождествлять последствия всё-таки не стоит.

Вопрос правовой природы платы за отказ от договора является дискуссионным, до реформы 2015 г. высказывались точки зрения в пользу того, что она может выступать как санкция за нарушение обязательства (штраф или неустойка) (определение ВАС РФ от 15.04.2011 N ВАС-4681/11); непоименованный способ обеспечения обязательства, разновидность убытков (в т.ч. упущенной выгоды) [Оболонкова, 2010]; отступное [Незнамов, 2015]; обязательство особого рода (*suī generis*) [Карапетов, Савельев, 2012], вид противоправного поведения [Яковлев, 2012] и т.п.

Поставленная цель настоящей работы не предполагает детального изучения различных исторических подходов, но отметим лишь, что сейчас большая часть исследователей придерживается одной из двух основных точек зрения.

Первой является понимание платы за отказ от договора как разновидности заранее оценённых потерь (убытков) [Егоров, 2022].

Наиболее яркий представитель данной школы, Егоров А.В., посвятивший ряд своих работ правовой природе лизинга и лизинговым правоотношениям [Егоров, 2012b; Егоров, 2020], отмечает, что природа платы за отказ от договора предопределяется целью введения этого института - компенсацией потерь лица, пострадавшего от выхода другой стороны из договора с ним, а поскольку учитывается фактический уровень потерь, соглашение о плате за отказ от договора представляет собой соглашение о заранее оценённом размере убытков кредитора [Егоров, 2018].

Действительно, нельзя не отметить заложенную в само существо нормы права компенсаторную природу [Хантимирова, 2024b] данной выплаты, которая презюмирует наличие неких издержек стороны, претерпевающей досрочное прекращение или изменение договора. Ведь сам законодатель, предусматривая специфические случаи одностороннего отказа от исполнения обязательства, практически всегда делает отсылки к расходам или убыткам (ст.ст. 717, 782 ГК РФ и др.)

Однако, как справедливо отмечает Сорокина С.Я., плата за отказ от договора (исполнения договора) не является частным случаем возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ в силу того, что необходимость выплаты определённой денежной суммы стороной, осуществляющей право на односторонний отказ от исполнения обязательства, не зависит от наличия или отсутствия имущественных потерь у другой стороны [Сорокина, 2017].

Более того, по словам Сенников С.А., в отличие от возмещения потерь плата за отказ от договора, напротив, обладает стоимостной природой и при оптимальном регулировании не

должна зависеть от неблагоприятных последствий, возникших у одной из сторон в связи с расторжением договора, а согласование в договоре твёрдой цены реализации секундарного права является наиболее подходящим решением [Сенников, 2025].

Наконец, наиболее характерной представитель иного подхода, Карапетов А.Г. полагает, что это самостоятельный институт, представляющий собой плату за реализацию секундарного права, который опосредует вторжение в сферу правовой автономии контрагента на платной основе. При этом учёный приводит в пример комиссии за досрочный возврат кредита в качестве платы за осуществление заемщиком предоставленного ему договором секундарного права на одностороннее изменение срока кредита [Батищев, Громов, Карапетов и др., 2022].

И в самом деле, в рассматриваемом вопросе интерес также может вызывать позиция правоприменительной практики относительно схожего с лизингом инструмента в работе кредитных учреждений. Так, ВАС РФ с оглядкой на положения своих предыдущих разъяснений (см. п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре») в одном из актов (постановление Президиума ВАС РФ от 22.10.2013 N 6764/13) по вопросу правомерности взимания комиссии за досрочное погашение кредита указал, что оценка возможности с согласия кредитора осуществить досрочный возврат кредита как имущественного блага для заёмщика в виде экономии денежных средств, которые подлежали бы уплате при погашении кредита в предусмотренный договором срок, является правомерной.

Несмотря на указанное выше специальное правовое регулирование деятельности кредитных учреждений представляется, что такая позиция поддерживает взгляд на плату за одностороннее изменение договора как за реализацию секундарного права. Также следует отметить, что и для арендного типа правоотношений использование данного института является распространённым (определение СКЭС ВС РФ от 03.11.2015 N 305-ЭС15-6784).

Самостоятельная природа института платы за изменение договора, тем не менее, не ограждает его от влияния доктрины неравенства переговорных возможностей и слабой стороной договора.

В этом вопросе через призму вышеуказанных пунктов 9 – 11 ПП ВАС N 16 прежде всего следует обратиться к пункту 16 ПП ВС N 54, которым ограничивается свобода в установлении размера платы за изменение договора критерием соразмерности этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным изменением его условий, а также заведомо недобросовестным осуществлением права требовать ее уплаты в этом размере.

Отказ во взыскании или снижении соответствующей платы полностью или частично со ссылкой на общие положения о добросовестности оставляет огромное пространство для дискретных полномочий судов, которые должны предотвращать "возможность имущественного обогащения одной из сторон сделки в размере, не обеспечивающем компенсацию негативных имущественных последствий вследствие прекращения договора" (постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.07.2019 N Ф05-10508/2019).

Как отмечает Сенников С.А., посвятивший одну из наиболее масштабных работ последних лет по указанной теме, судебная практика демонстрирует склонность рассматривать плату за отказ от договора в качестве компенсационной выплаты, подлежащей соизмерению с убытками или иными потерями кредитора. В экстраординарных случаях плата за отказ от договора вообще отождествляется с неустойкой и механизмом ее снижения, предусмотренным ст. 333 ГК. При этом какого-либо алгоритма или определённых критериев снижения платы за отказ в решениях

судов предсказуемо не прослеживается [Сенников, 2025].

При этом неравенство переговорных возможностей является дополнительным испытанием для действительности положений о плате за одностороннее изменение договора и их размера (в том числе в лизинговых правоотношениях (постановление АС СЗО от 12.03.2026 N Ф07-15087/2025)).

Так, Егоров А.В. резюмирует, что особым способом ограничения платы за отказ от договора является квалификация данного условия как несправедливого в связи с неравенством переговорных возможностей и статусом слабой стороны одного из участников обязательств [Егоров, 2022]

Однако, как отмечает Тололаева Н.В., компенсаторная природа платы за отказ логически приводит к тому, что если потери стороны не соответствуют плате, то ее можно снизить в силу принципа возмездности вне зависимости от того, является ли один из контрагентов слабой стороной договора [Тололаева, 2017].

В ПП ВС N 54 говорится об исключительности таких случаев, но правоприменительная практика демонстрирует регулярное возникновение споров подобной направленности (см., например, постановление АС СКО от 25.12.2025 N Ф08-7603/2025; постановление АС МО от 27.02.2024 N Ф05-27/2024; постановление АС МО от 27.11.2025 N Ф05-13841/2025).

При этом конечно же не стоит забыть о п. 20 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2017) (далее – Обзор ВС N 4), которым установлен минимальный (не снижаемый) размер платы за односторонний отказ от договора в размере возможных потерь.

Стоит отметить, что в этом ограничении в очередной раз проявляется преимущество указанной конструкции перед иными механизмами (в том числе заранее определённых потерь/убытков), поскольку оно допускает определение абстрактного размера платы за отказ от договора, отличного от размера потерь.

Таким образом, на наш взгляд, исходя из системного толкования нормы и вышеуказанной судебной практики именно п. 3 ст. 310 ГК является единственным доступным инструментом для компенсации не только фактических, но и абстрактных транзакционных издержек лизингодателя, который успешно может применяться в отношениях со слабой стороной договора.

Как указано выше, особенность структурирования договора лизинга заключается в том, что для случаев досрочного исполнения лизингодателями отдельно не выделяется плата за одностороннее изменение договора в графике выкупной стоимости предмета лизинга, так как подлежащая оплате лизингополучателем сумма включает в себя в том числе остаток невозвращённого финансирования, платы за финансирование, пени, штрафы и затраты лизингодателя, связанных с исполнением лизинговой сделки.

Именно из-за того, что подобный расчёт во многом похож на порядок определения суммы завершающей обязанности по ПП ВАС N 17, суды восприняли позицию лизингополучателей, настаивающих на необходимости использования именно такого метода. Разница между стоимостью выкупа по договору лизинга и по формуле сальдо встречных обязательств ПП ВАС N 17 образует плату за одностороннее изменение обязательства лизингополучателем, которая у добросовестных лизингодателей составляет транзакционные издержки, у недобросовестных – упущенную выгоду в виде платы за финансирование до окончания планового срока лизинга (постановление АС МО от 30.11.2023 N Ф05-23779/2023).

Применительно к лизинговым отношениям специальное правовое регулирование не только предусматривает для отдельных случаев иную природу такой платы, но также и устанавливает

ориентиры ее минимального размера.

В частности, пунктом 2 ст. 38.1 Федерального закона от 29.10.1998 N 164-ФЗ "О финансовой аренде (лизинге)" (далее – ФЗ О лизинге) для конкретного случая досрочного выкупа предмета лизинга по договору предусматривается, во-первых, стоимость предмета лизинга, выкупаемого досрочно, определять в соответствии с договором лизинга, а во-вторых, если договором лизинга предусмотрено вознаграждение лизингодателю за досрочную передачу предмета лизинга, размер такого вознаграждения для конкретного основания досрочного выкупа не может превышать 1 процента от стоимости предмета лизинга, выкупаемого досрочно.

Безусловно, соответствующая норма была внедрена для решения конкретной исторической задачи, обусловленной геополитическими и экономическими событиями, и её формулировки имеют свои недостатки. Однако из системного анализа данной нормы напрашиваются два вывода.

Первый – поскольку плата за досрочный выкуп предмета лизинга именуется вознаграждением лизингодателя, она не является мерой ответственности лизингополучателя (в соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 38.1 ФЗ О лизинге) и может нести компенсаторную функцию.

Второй – именно абстрактным (абсолютным) размером подобного вознаграждения может быть обоснована общая сумма выкупа предмета лизинга по графику.

Согласно правовой позиции, отражённой в недавнем определении Судебной коллегии по экономическим спорам (определение СКЭС ВС РФ от 25.09.2025 N 305-ЭС23-808), в случае добросовестного исполнения обязательств сторонами досрочное расторжение договора лизинга не должно приводить к утрате возможности извлечения дохода лизинговой компанией и к возникновению упущенной выгоды в размере, равном оставшейся части платы за пользование финансированием. В таком случае лизинговая компания обязана раскрыть и представить расчёт порядка определения "суммы закрытия сделки", указав структуру соответствующей суммы и принцип ее определения.

То есть Верховный суд допустил правомерность расчёта выкупной стоимости предмета лизинга по формуле, отличной от завершающей обязанности, предусмотренной ПП ВАС N 17 при условии, что порядок ее определения будет полностью раскрыт.

При этом в указанном деле также была подтверждена возможность обуславливать стоимость платы за одностороннее изменение договора лизингополучателем путём расчётов, подготовленных с использованием метода аннуитетных платежей.

Данный подход породил ряд судебных дел (см. решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 09.04.2026 по делу N A56-83404/2025; решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.05.2026 по делу N A56-122845/2024), где были предприняты попытки очертить границы доказывания, в рамках которых может быть обоснована сумма досрочного выкупа:

1) Помимо включения в расчёт выкупной стоимости остатка финансирования, неустоек и штрафов, при условии предоставления прозрачного и математически корректного расчёта процентной ставки по аннуитетному платежу (то есть процент за пользование финансированием, в рамках которого путём наложения на сумму финансирования в пределах планового срока лизинга будет формироваться идентичная условиям сделки общая сумма договора лизинга), лизингодатель вправе обосновать эквивалентный размер платы за финансирование, отличный от формулы ПП ВАС N 17 в составе выкупной стоимости в качестве платы за одностороннее изменение договора.

2) С учётом сложной структуры лизинговой сделки разумным и обоснованным периодом

времени, который требуется для повторного размещения досрочно возвращённого лизингополучателем финансирования (постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 N 6878/13), может являться срок в 2 месяца. То есть плата за финансирование в течение срока, в который лизингодатель сможет произвести повторное размещение финансирования, рассчитанная по эффективной ставке аннуитетного графика за указанный период времени, может быть учтена в составе общей платы за одностороннее изменение договора лизингополучателем.

3) С учётом необходимости в сжатые сроки искать пути размещения денежных средств, которые были размещены на определённый срок договора лизинга и должны были в течение этого периода приносить рассчитанный лизингодателем доход, лизингодатель вправе рассчитывать на справедливый размер компенсации, вознаграждения или комиссии, включённой в состав отступного платежа, который должен составлять не менее 1% от остатка финансирования на дату досрочного исполнения договора лизинга и не более 1 % стоимости предмета лизинга, выкупаемого досрочно (в соответствии с п. 2 ст. 38.1 ФЗ О лизинге).

4) Помимо этого, в случае если в оставшейся части расчёт выкупной стоимости по договору лизинга будет отличаться от расчёта завершающей обязанности по ПП ВАС N 17 лишь на несколько процентов (не существенно), то оснований для его пересмотра не имеется.

Заключение

Как видно из представленных судебных актов, именно плата за одностороннее изменение договора выступает наиболее оптимальным путём компенсации транзакционных издержек лизингодателя при досрочном выкупе предмета лизинга, поскольку обладает безусловными преимуществами перед иными конструкциями: возможность фиксации в абстрактной сумме без необходимости, по общему правилу, доказывать фактически понесённые потери. Другими словами, помимо будущих потерь, предусмотренных п. 20 Обзора ВС N 4, именно в составе платы за одностороннее изменение договора лизингодатель может предусмотреть комиссию/вознаграждение, которое в разумных пределах покроет абстрактные издержки, связанные с операционной нагрузкой, неполностью компенсированной сроком лизинга.

В свою очередь, несмотря на формирующийся тренд к закреплению презумпции недобросовестности лизингодателя [Шишкин, 2025]], именно степень детализации платы за одностороннее изменение договора слабой стороной является ключом к проявлению добросовестности лизингодателя и его способности компенсировать собственные транзакционные издержки. Дальнейшим развитием данного подхода должно стать внедрение в практику договорной работы профессиональных участников рынка прозрачных и понятных для лизингополучателей алгоритмов расчёта выкупной стоимости, позволяющих в любой момент исполнения обязательства рассчитать плату за одностороннее изменение (исполнение) договора.

Библиография

1. Архипова А.Г., Байбак В.В., Громов С.А. и др. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.
2. Батищев А.О., Громов А.А., Карапетов А.Г. и др. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.

3. Егоров А.В. Заранее оценённые убытки vs. неустойка: какую конструкцию признают суды // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 3. (b)
4. Егоров А.В. Заранее оценённые убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // Вестник гражданского права. 2022. № 3. (a)
5. Егоров А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 36-60. (b)
6. Егоров А.В. Лизинг как финансовая сделка // *Gaudeamus igitur!*: сборник статей к юбилею А.А. Иванова / сост. и отв. ред. В.А. Багаев, К.А. Новиков. М.: Издательская группа «ЗАКОН», 2020. С. 130-224.
7. Егоров А.В. Место заранее оценённых убытков в системе частного права России // ЭЖ-Юрист. 2018. № 09(1010). (c)
8. Карапетов А.Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5.
9. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012.
10. Климов И.В. Возмещение потерь, возникших в случае наступления определённых в договоре обстоятельств: фактор противоправности // Хозяйство и право. 2024. № 5.
11. Краснова С.А. Платёж в связи с односторонним отказом от исполнения договора: правовая природа, соотношение со смежными правовыми категориями. 2024.
12. Кузнецов М.В. Правовая природа платы за досрочное расторжение договора // Цивилист. 2025.
13. Курганский Г.В. Отдельные вопросы судебной практики в отношении возмещения имущественных потерь. 2025.
14. Незнамов А.В. Платёж в связи с расторжением договора в одностороннем порядке // Закон. 2015. № 7.
15. Оболенкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: научно-практическое исследование / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Юридическая фирма «Контракт», Волтерс Клувер, 2010.
16. Сегалова Е.А., Сатыров З.И. Индемнити и возмещение потерь как институты распределения договорных рисков по российскому и английскому праву // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1.
17. Сенников С.А. Снижение платы за отказ от договора в компаративной, исторической и экономической перспективах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 3.
18. Сорокина С.Я. Отказ от договора в свете новелл обязательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4.
19. Тололаева Н.В. Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ. М.: Акцион-МЦФЭР, 2017.
20. Хантимирова А.А. Акцессорность оговорки о возмещении потерь, не связанных с нарушением обязательства // Право и экономика. 2024. № 10. (a)
21. Хантимирова А.А. Возмещение потерь как способ перераспределения договорных рисков // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. (b)
22. Шишкин С.Л. Лизингополучатель как слабая сторона договора финансовой аренды (лизинга) // Экономика и право в России и мире: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (6 февраля 2024 г.). Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2024. № 3. С. 87-100.
23. Шишкин С.Л. Презумпция недобросовестности лизингодателя при поручительстве лизингополучателя за поставщика как развитие фидуциарных обязательств в лизинге // Теория и практика общественного развития. 2025. № 10(210). С. 315-321.
24. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012.

Methods of Compensating the Lessor's Transaction Costs in the Event of Early Redemption of the Leased Asset

Sergei L. Shishkin

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 21, Sadovaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: s.l.shishkin@list.ru

Abstract

The article is devoted to the study of methods of compensating the lessor's transaction costs in the event of early redemption of the leased asset through the prism of the problematic conditioned by the inequality of negotiating opportunities of the parties to leasing relations and the actual recognition of the lessee as the weak party to the lease agreement. The legal nature of the early redemption fee exceeding the principal balance and the financing fee is considered, as well as the restrictions imposed on the lessor by the status of the counterparty as the weak party to the agreement. Based on the analysis of the current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and doctrine, the available legal mechanisms for cost compensation are consistently investigated: the construction of pre-assessed losses (Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation) and the fee for unilateral modification of the agreement (Paragraph 3 of Article 310 of the Civil Code of the Russian Federation). The author compares them with the constructions of discharge and penalty, identifies the procedural difficulties of proving abstract costs, and substantiates the advantages of the fee for unilateral modification of the agreement. Specific ways of solving the specified problem are proposed, taking into account the balance of interests of the parties and the requirement of good faith, as well as the limits of proving the amount of early redemption confirmed by judicial practice.

For citation

Shishkin S.L. (2026) Sposoby kompensatsii tranzaktsionnykh izderzhok lizingodatel'ya pri dosrochnom vykufe predmeta lizinga [Methods of Compensating the Lessor's Transaction Costs in the Event of Early Redemption of the Leased Asset]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 305-320. DOI: 10.34670/AR.2026.76.70.038

Keywords

Leasing, lessor, lessee, pre-assessed losses, fee for modification of the agreement, weak party to the agreement, good faith, analysis of judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

References

1. Arkhipova, A. G., Baybak, V. V., Gromov, S. A., et al. (2022). *Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost za narushenie obyazatel'stva: kommentariy k statyam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Change of persons in an obligation and liability for breach of an obligation: commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation] (A. G. Karapetov, Ed.). Moscow: M-Logos.
2. Batishchev, A. O., Gromov, A. A., Karapetov, A. G., et al. (2022). *Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Performance and termination of an obligation: commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation] (A. G. Karapetov, Ed.). Moscow: M-Logos.
3. Egorov, A. V. (2012a). *Lizing: аренда ili finansirovanie?* [Leasing: lease or financing?]. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 3, 36-60.
4. Egorov, A. V. (2012b). *Lizing kak finansovaya sdelka* [Leasing as a financial transaction]. In V. A. Bagaev & K. A. Novikov (Eds.), *Gaudeamus igitur!: sbornik statey k yubileyu A.A. Ivanova* (pp. 130-224). Moscow: Publishing Group «ZAKON».
5. Egorov, A. V. (2018a). *Mesto zaranee otsenennykh ubytkov v sisteme chastnogo prava Rossii* [The place of liquidated damages in the system of private law of Russia]. *EZh-Yurist*, 09(1010).
6. Egorov, A. V. (2018b). *Zarantee otsenennyye ubytki vs. neustoyka: kakuyu konstruktsiyu priznayut sudy* [Liquidated damages vs. penalty: which construction do courts recognize]. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*, 3.
7. Egorov, A. V. (2022). *Zarantee otsenennyye ubytki kak klyuch k ponimaniyu pravovoy prirody dogovornykh usloviy «beri ili plati», a takzhe platy za otkaz ot dogovora* [Liquidated damages as a key to understanding the legal nature of «take-or-pay», and also the payment for refusal of the agreement].

- or-pay» contractual terms, as well as the payment for refusal of a contract]. *Bulletin of Civil Law*, 3.
8. Karapetov, A. G. (2016). *Uslovie o vozmeshchenii poter: kommentariy k state 406.1 GK RF* [The clause on indemnification for losses: commentary on Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 5.
 9. Karapetov, A. G., & Savelyev, A. I. (2012). *Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. T. 1: Teoreticheskie, istoricheskie i politiko-pravovye osnovaniya printsipa svobody dogovora i ego ogranicheniy* [Freedom of contract and its limits: in 2 vols. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations]. Moscow: Statut.
 10. Klimov, I. V. (2024). *Vozmeshchenie poter, vznikshikh v sluchae nastupleniya opredelennykh v dogovore obsoyatelstv: faktor protivopravnosti* [Indemnification for losses arising upon the occurrence of circumstances specified in the contract: the factor of unlawfulness]. *Economy and Law*, 5.
 11. Krasnova, S. A. (2024). *Platezh v svyazi s odnostoronnim otkazom ot ispolneniya dogovora: pravovaya priroda, sootnoshenie so smezhnymi pravovymi kategoriymi* [Payment in connection with unilateral refusal to perform a contract: legal nature, correlation with related legal categories].
 12. Kurganskiy, G. V. (2025). *Otdelnye voprosy sudebnoy praktiki v otnoshenii vozmeshcheniya imushchestvennykh poter* [Selected issues of judicial practice regarding indemnification for property losses].
 13. Kuznetsov, M. V. (2025). *Pravovaya priroda platy za dosrochnoe rastorzhenie dogovora* [The legal nature of the payment for early termination of a contract]. *Tsivilist*.
 14. Neznamov, A. V. (2015). *Platezh v svyazi s rastorzheniem dogovora v odnostoronnem poryadke* [Payment in connection with unilateral termination of a contract]. *Zakon*, 7.
 15. Obolonkova, E. V. (2010). *Odnostoronniy otkaz ot ispolneniya obyazatelstva: nauchno-prakticheskoe issledovanie* [Unilateral refusal to perform an obligation: a scientific and practical study]. Moscow: Law Firm «Kontrakt», Wolters Kluwer.
 16. Segalova, E. A., & Satyrov, Z. I. (2021). *Indemniti i vozmeshchenie poter kak instituty raspredeleniya dogovornykh riskov po rossiyskomu i angliyskomu pravu* [Indemnity and indemnification for losses as institutions of distribution of contractual risks under Russian and English law]. *Bulletin of Arbitration Practice*, 1.
 17. Sennikov, S. A. (2025). *Snizhenie platy za otkaz ot dogovora v komparativnoy, istoricheskoy i ekonomicheskoy perspektivakh* [Reduction of the payment for refusal of a contract in comparative, historical and economic perspectives]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 3.
 18. Shishkin, S. L. (2024). *Lizingopoluchatel kak slabaya storona dogovora finansovoy arendy (lizinga)* [The lessee as a weak party to a financial lease (leasing) agreement]. In *Ekonomika i pravo v Rossii i mire: sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 87-100). Petrozavodsk: ISPC «NEW SCIENCE».
 19. Shishkin, S. L. (2025). *Prezumpsiya nedobrosovestnosti lizingodatelya pri poruchitelstve lizingopoluchatelya za postavshchika kak razvitie fidusiamykh obyazatelstv v lizinge* [The presumption of bad faith of the lessor when the lessee guarantees for the supplier as a development of fiduciary obligations in leasing]. *Theory and Practice of Social Development*, 10(210), 315-321.
 20. Sorokina, S. Ya. (2017). *Otkaz ot dogovora v svete novell obyazatel'nogo prava* [Refusal of a contract in light of the novelties of the law of obligations]. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 4.
 21. Tololaeva, N. V. (2017). *Priznanie sdelki nedeystvitel'noy i otvetstvennost po dogovoru: razyasneniya VS RF* [Invalidation of a transaction and liability under a contract: explanations of the Supreme Court of the Russian Federation]. Moscow: Aktion-MTsFER.
 22. Khantimirova, A. A. (2024a). *Aktsessornost ogovorki o vozmeshchenii poter, ne svyazannykh s narusheniem obyazatelstva* [Accessoriness of the clause on indemnification for losses not related to breach of an obligation]. *Law and Economics*, 10.
 23. Khantimirova, A. A. (2024b). *Vozmeshchenie poter kak sposob pereraspredeleniya dogovornykh riskov* [Indemnification for losses as a way of redistributing contractual risks]. *Bulletin of Arbitration Practice*, 5.
 24. Yakovlev, V. F. (2012). *Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost. Kn. 1* [Selected works. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Book 1]. Moscow: Statut.